

Александр УЛАНОВ ВОСЕМЬ ТЕКСТОВ

1996 №4

Черная кошка на цветущей яблоне ищет вечер, живущий на кончиках веток. День слишком прям для нее в тоске перил и пружин.

А облако возвращается, все туже натягивая дождь, и лестница приставлена к дому, к незаживающему порогу, к ветру сонной реки, ее непреклонной сырости.

Мачты листья над сетями домов, башенная мышь в проруби зрачка, влажный след улитки, тем, что переполняет ночь, тем и заплатим тишине, где существуют вещи.

И время наше совпадет в чистом углу весны, в самой черной красной розе, оставленной в ручке двери.

Между домов проплывают медленные рыбы. Они заглядывают в окна и шевелят мягкими губами. Ночью они иногда сплываются на свет лампы. Если повернуть выключатель, они еще долго чувствуются там, в темноте. Сомнаты никогда не заплывают. Их корм - опавшие листья, вот почему рыб больше всего осенью, а к декабрю, когда начинается снег, листьев на земле почти не остается. Черные, коричневые, серые, рыбы глядят друг друга бархатными боками. Им незачем разговаривать.

А на вешалке живет Пушкин, за батареей - Гоголь, в ванной - большой мохнатый кокосовый орех. Он мечтает доплыть до Гималаев, но даже Достоевский из ящика с инструментами не может помочь ему. Иногда из-за дивана хмозенует кульгавый хмыз, гро лапоулится ю олулеет бурдано. Ты повторяешь: "Милейко, почайка, варушка", - и снова подходишь к окну.

Между домов проплывают медленные рыбы.

Лицо камня - внутри.

Там он движется. Проползают друг по другу черные и красные сгустки яшмы. Шевелят шершавыми ножками раковины мела. Пульсируют, сжимаясь и разжимаясь, кольца пещерного оникса. А внутри кристалла изумруда ходит зеленый луч.

Если камень расколоть, он успеет отвернуться, и виден будет только его затылок - твердый и неподвижный. Так приходит к камню смерть - когда пространства для движения становится слишком мало. Но движение не пропадает, и песок не стоит, он подгоняет реку и ветер. И он уйдет в глубину, и снова станет камнем, и будет неслышно шуршать за желто-оричневым сколом.

Дерево стремится наружу - из-под земли стволом, из-под коры листьями. Камень не так простодушен. Он сосредоточен и одинок. Он знает, что помощи ждать неоткуда. Он будет стеной и опорой сам. Он надежен.

Камень не стремится привлечь к себе яркими лепестками, сладкой водичкой, тенью. Он лежит молча - на поверхности или в километре от нее - и не станет звать кого попало. Он будет смотреть на подошедшего и ждать. Времени у него достаточно.

Может быть, он разрешит снять с себя корку. За ней будут цвет и свет. Краски, металлический блеск, преломленный луч. Они холодны и не нуждаются в пришедшем - как цветок нуждается в пчеле. Камень продолжает ждать. Он проверяет - только ли блеск нужен от него.

В центре камня, куда обращено его лицо, - черная точка, вершина конуса, развернутого в увиденное камнем время. Камень говорит в нее и ей. Точка встречи всех камней, точка встречи с камнем.

Кости твои из стекла, и рыбы чешут о них лбы. Старый воздух желтеет изнутри. За нетронутой ночью следует шершавый рассвет. Зброшенные яблоки и сухие каблукы преследуют тебя, и небо твое без десяти семь.

Все, что ты можешь - иди к реке. И было бы тебе в радость уснуть в незнакомом доме, принять на себя день. Но круглы сроки твои, известь в твоих снах и ветер страниц над синицами твоими.

Если ты все знаешь - скажи мое имя.

Полное собрание снега в твоих руках.

Время движется в змее непрерывным течением ее тела. Не шаги, не вращение колеса - еле заметные волны под шершавой кожей, и такой же волнистый след. Ахиллес не догонит черепаху - догонит змея, не делая ни малейшего усилия, пребывая и ускользя в каждой своей точке. Время все вмещает в себя, и змея знает все. Она проталкивает себя через узкие пути и бьет внезапно и точно. Голос ее чешуек - шорох пересыпающегося песка.

Время отдыхает, свернувшись в улитке. В ее спокойной мягкости оно видит сны. Самые спокойные из них - под водой, поэтому морские ракушки - самые красивые. Сгустки времени разбросаны по морскому дну, по виноградным листьям, по страницам, прячась в о и выдвигая рожки у.

Когда змея и улитка встречаются, они молчат. Разговор бодрствующего и спящего невозможен. Змея знает улитку - как и все другое. А улитка часто видит змею во сне - вместе со всем ее знанием. Поэтому они улыбаются и ползут каждая своей дорогой.

Она не любит тараканов, живущих в его квартире, и он предлагает им уйти. Раньше он кормил их, учил читать и писать, они несколько недоумевают, но уходят, все до одного.

Он ходит по квартире и иногда издаст вздох, которые могли бы вытянуть все кишки у селедки. Он думает, что тоскует по ней, на самом деле ему не хватает тараканов. Интеллигентные существа, индивидуалисты с большим чувством собственного достоинства, не то что муравьи какие-нибудь. Энергичные и динамичные. И неправда, что они холоднокровные, они сухие, как деревянные щепочки - честное слово, вы только потрогайте. Они связаны с темнотой, а это время мудрое и теплое.

Когда снег уходит совсем, а дождь еще не пришел, остается сухая земля. Она не грязная, а захлапленная, щетинистая, клочковатая. Она не шепчет и не плачет, она молчит. Она смотрит.

Время необожженной глины. Время запястий и щиколоток, когда свет не перегружен теплом и спокойно идет к августу, к полной теплой тьме. С этого времени не соберешь мед, его можно только вдыхать и становиться прозрачнее. Время самых отдельных минут (потом они станут каплями дождя).

Когда снег ушел, а дождь еще не пришел, у земли ветер. Ветер, который стекло, и стекло, которое ветер. И никакая одежда не спасает от этого ветра, и картошка стынет на столе за пять секунд. Но это холод без углов, он не царапает, а катится. Стекло прогибается и становится внимательным и пристальным. Ночью за стеклами - темнота, и они отражают друг друга, развертывая бесконечные коридоры.

Этот воздух пуст - ни ласточки, ни пчелы не живут в стекле. Так бывает в пять утра в любимом городе. Если спросить этот воздух, он не ответит, уплывет под стеклянным парусом. И печаль слишком прозрачна, чтобы быть желтыми листьями или дождем, она - воздух. Это потом польны соберет оттуда всю горечь.

И перед кругами деревьев появляются единицы. И деревья становятся теплыми. Это ветер вливается в землю через них. А потом деревья станут холодом очень свежей воды. А потом будет цвет, но не будет вербного пуха. И когда появляются звери, кажется, что они вышли на сушу из прозрачного океана. И в горах трескается известняк.

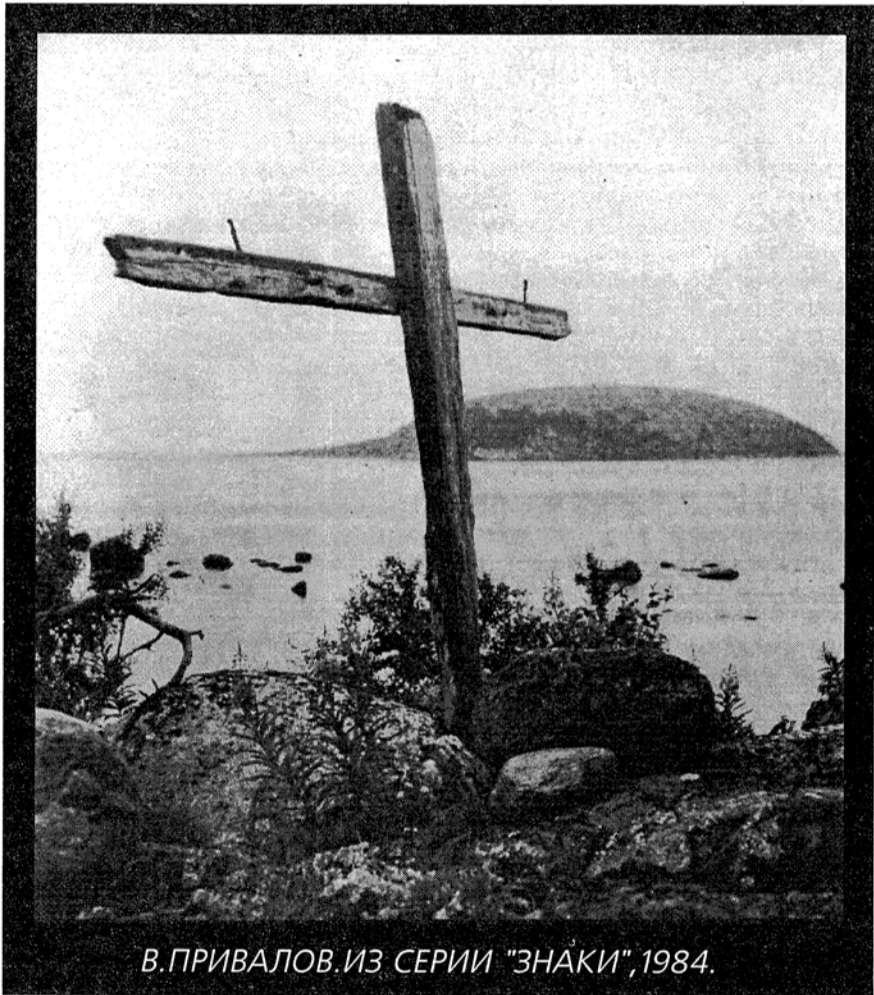
Все это не может продолжаться долго и заканчивается ливнем.

Да, ковер-самолет - это погано. Пыльно, шершаво как-то, вниз ни черта не видно. Плохо управляется. Моль его жрет, ниток на починку не напасешься. И вообще он при полете так противно под тобой изгибается...

Что до больших самолетов, я вообще не уверен, что они летают. Загоняют людей в салон, запирают покрепче, а потом быстренько меняют название на здании аэровокзала, газеты в киосках, парутройку домов в городе переставят - выпускают пассажиров обратно и говорят: "Иркутск".

Маленькие самолеты летают, быстро, куда ты хочешь, и крутить бочки и мертвые петли на них, наверное, здорово. Но они такие жесткие, так прошибают, перемалывают, царапают воздух, недаром в кожаной куртке пилота есть нечто садистское.

Метла - это отлично! Удобно, компактно, экологически чисто.

В. ПРИВАЛОВ ИЗ СЕРИИ "ЗНАКИ", 1984.

Можно подмести и точку старта, и пункт приземления. Изготавливается быстро и из легко доступных материалов (не то что ковер). Вертикальные взлет и посадка - очень хорошо в городских условиях. Надежна (кто когда видел ведьму с парашютом?). Самолет на ней, правда, не догонишь - но даже и в воздухе, наверное, слишком торопиться не стоит. Однако я не уверен, могут ли ей управлять мужчины.

Я летаю просто так, без ничего. При этом приходится делать некоторые движения руками, как при плавании брассом, но это скорее для разгона или изменения направления, и это не тяжело. Полет не слишком быстрый, зато ни от чего не зависишь, и можно летать в любой момент. К сожалению, руки должны быть свободными, и много с собой не унесешь, разве что легкий рюкзак. И в дождь

промокаешь - с зонтиком летать очень неудобно. Самое досадное - что никого с собой взять не можешь... Если, конечно, человек сам летать не умеет.